

Отрицательные предложения в коми языке

В статье анализируются отрицательные предложения коми языка, определяется их роль в коммуникативном процессе. Особое внимание уделяется языковым средствам выражения общего и частного отрицания. Рассматриваются различные типы предложений с отрицанием (бытийные, биноминативные, вопросительные, инфинитивные, обобщенно-личные и т. п.), выявляется зависимость средств выражения отрицания от типов главных членов предложения, типов синтаксических конструкций. Определяется роль отрицательных предложений в реализации субъективно-модальных, оценочных значений, выявляются вторичные функции отрицания. Во всех случаях акцентируется семантическая сторона отрицательных синтаксических структур. В качестве иллюстративного материала привлекаются тексты художественной литературы и фольклорные произведения.

Ключевые слова: коми язык, синтаксис, общее и частное отрицание.

Бесконечно разнообразный мир, окружающий человека, все его материальное и духовное богатство, ценности, величие и красота природы, самой жизни находят отражение в языке. Исследователи подчеркивают, что «в речи получает выражение все содержание жизни человека, все представление, об окружающем его мире, о предметах, категориях и связях действительности, наблюдаемых и осмысляемых, обобщенных и расчлененных так или иначе национальным языковым сознанием...» [Золотова и др. 1998: 36]. С целью выражения самых различных коммуникативных задач субъекта речи во всех языках имеются многообразные синтаксические конструкции. Их выбор зависит от конкретных условий коммуникации и целей говорящего. Для сообщения о предметах, их признаках, событиях, явлениях, действиях, имеющих место в окружающей действительности, коммуникант выбирает утвердительные предложения. Однако в силу различных объективных или субъективных причин, обстоятельств, условий, при определенных временных рамках какие-либо предметы, лица, живые существа, объекты природы, их признаки, состояния, события, явления могут отсутствовать, действие не совершаться, поэтому в процессе речи важным является не только утверждение, но и отрицание наличия в объективной действительности некоторых предметов, признаков, событий, пребывания лица, природы в некотором

состоянии, выполнения каких-либо действий. Эти значения передаются при помощи категории отрицания, сущность которой имеет «колоссальное значение <...>, с синтаксической точки зрения (это значение) сводится к тому, что связь между теми или иными двумя представлениями при помощи этой категории создается отрицательно» [Пешковский 2001: 386].

Известно, что отрицаться может само действие, событие, связь содержания предложения с реальной действительностью или лишь часть сообщаемого: субъект, объект, время, место и т. д. В соответствии с этим выделяются конструкции с общим и частным отрицанием. Для реализации таких значений все языки выработали специальные способы, «свои экономящие, но и однозначные грамматические формы и средства» [Колшанский 1984: 51], в том числе и коми язык. В нем имеется богатый фонд различных средств для формирования семантики общего отрицания, т. е. для отрицания связи между сообщением в предложении и действительностью, связи между предметами и их признаками в реальном мире, отрицания действия, пребывания в каком-либо состоянии лица, живого существа, природы. В конструкциях с таким содержанием отрицательную форму принимает сказуемое, в котором заключено общее значение предикативного признака. К ним относятся отрицательные глаголы и частицы, причастия, деепричастия, имена прилагательные, маркированные отрицательными суффиксами, отрицательные местоимения и наречия [Лудыкова и др. 2000]. В коми языке оформление главного члена отрицательным элементом зависит от его структуры, способов выражения, семантики. Отрицание лексического содержания глагольного сказуемого выражается спрягаемым глаголом: *Тэ нинӧмьсь он пов* [Юшков 1981: 63] «Ты ничего не боишься»; *Кык гожӧм вонас оз овлывлы* [Шахов 1989: 47] «В году не бывает два лета». Однако для отрицания действия, выраженного глаголом в форме перфекта, используются не отрицательные глагольные формы, а частица *абу* «не, нет»: *Дозмӧр да сюзь ӧтлаын абун пукавлӧмаӧсь* [Коми шусьӧгяс да кывйӧзяс 1983: 149] «Глухарка с филином еще никогда не сидели вместе»; *Зэръяс бӧрын гудырыс абун удитӧма пуксьыны* [Белых 1997: 65] «После дождей муть еще не успела сесть». Об отрицании действия, относящегося не к моменту речи, а являющегося постоянным, вневременным, независимым от момента речи, сообщается в обобщенно-личных предложениях. В них на первый план выдвигается модальное значение невозможности выполнения действия: *Визувтӧм ватӧ он бергӧд* [Коми шусьӧгяс да кывйӧзяс 1983: 15] «Утекую воду не вернешь»; *Вундӧм шӧрӧмтӧ бӧр он йит* [Там же: 152] «Отрезанный лопоть обратно не приставишь»; *Ӧти киӧн гӧрӧд он гӧрддзав* [Там же: 155] «Одной рукой узла не завяжешь».

В отрицательных императивных предложениях говорящий субъект предостерегает собеседника от выполнения какого-либо действия,

высказывает ему свое пожелание, совет, просьбу о его несовершении, именно на этом сосредоточивается коммуникативный фокус высказывания. Эта просьба всегда адресуется к одушевленному лицу, причем отрицание действия относится к будущему или настоящему времени: – *Эн усь! – горбдіс Вириня тыслы* [Юшков 1981: 41] «– Не упади! – Крикнула Вириня сыну», однако исключением являются «вневременные конструкции»: *Мунігад кок пыдбснад мутб эн шонты* [Коми шусьбгъяс да кывйбзъяс 1983: 30] «Когда идешь не грей ступнями землю».

Отрицательное значение может содержать утвердительное по форме императивное предложение с соответствующей интонацией: *Вот и эскы сэсса сылы* «Вот и верь потом ему, т. е. нельзя верить».

Особое место в системе общеотрицательных предложений занимают структуры с именными сказуемыми, при этом важным является, выполняют ли слова именных категорий предикативную функцию без связочных глаголов или же в сочетании со связками. В адъективных конструкциях с качественным предикативным именем прилагательным без глагола-связки значение отрицания реализуется при помощи частицы *абу* «не, нет». Они указывают на то, что определенным признаком, качеством лицо, предмет не обладает в момент речи, что субъекту речи в конкретной коммуникативной ситуации важно сообщение именно об их отсутствии, или сообщение о том, что отсутствие этих признаков, качеств является характерным для какого-либо лица, предмета, его постоянным свойством: *Луныс абу кодзыд* «День не холодный»; *Да ми абу жб дзик йббсь* [Федоров 1979: 128] «Да и мы тоже не совсем глупые»; *Чужбмыс абу мича да сёрнитны сюсь* [Там же: 46] «Лицо некрасивое, зато речист». В конструкциях же, выражающих отсутствие предикативного признака предмета лица до или после момента речи составным именным сказуемым, используется отрицательный глагол: *Но оз шуда ло олбмыс таладор свет вылас...* [Белых 1997: 90] «Но не будет счастливой жизнь на этом свете».

Отметим, что лексема *абу* «не, нет» часто используется в биноминативных предложениях, в которых она сообщает об отрицании связи между предметами: *Морт сьблбмыд абу галя* [Коми шусьбгъяс да кывйбзъяс 1983: 34] «Сердце человека не камень»; *Олбмыд тай абу мойд* [Там же: 54] «Жизнь – не сказка»; *Ме вед абу барин, а уджалысь морт* [Шахов 1989: 58] «Я ведь не барин, а работающий человек».

Следует обратить внимание на то, что предложения полного тождества с общим отрицанием могут содержать значение субъективной оценки предмета речи, без использования оценочных слов: *Кбзйкатбгъид и гортыд абу горт* [Федоров 1979: 159] «Без хозяйки и дом не дом».

В экспрессивной речи предложения с предикативным именем существительным в отрицательной форме могут содержать негативное,

субъективно-модальное значение: *Абу и морт ме*, – *шульвліс Прокопей* [Юхнин 1983: 54] «Ну и человек я (букв. я и не человек), иногда говорил Прокопий».

Лексема *абу* «не, нет» с целью выражения полного отрицания существования предмета, явления, события в объективном мире, природе реализуется также и в бытийных отрицательных предложениях: *А со ыджыд нимкодьлун абу* [Тимин 2000: 143] «А вот большой радости (букв. радость) нету»; *Гырысь карьяс гѡгѡр вѡрьяс абудьсь* [Юхнин 1981: 85]; «Возле больших городов лесов нету»; ...*яндзымыс некутиѡм абу* [Федоров 1979: 117] «...никогого стыда нет». Однако об отрицании существования предмета до или после момента речи сообщает отрицательная форма экзистенциального глагола: *Карѡдзыд кѡрт туйыс эз на вѡв* [Белых 1997: 57] «До города железной дороги еще не было».

Частица *абу* «не, нет» указывает на полное отрицание физического или психического состояния лица, природы, среды, выраженного безлично-предикативными словами в роли главного члена в форме настоящего времени самостоятельно (а) или в сочетании с примыкающим инфинитивом (б) в безличных предложениях: (а) *Аслад пѡлыдкѡд съѡд вѡр шѡрын абу гажстѡм* [Коми шусьѡгъяс да кывйѡзъяс 1983: 154] «Со своей парой (женой, мужем) и в темном лесу не скучно»; (б) *Кыр воча абу кокни кыскыны карнан вылѡ ѡшлѡм кѡлуйтѡ* [Белых 1997: 41] «Нелегко поднимать в гору коромысло с вещами». Однако при необходимости обозначения отрицания пребывания субъекта речи в каком-либо состоянии до или после момента речи используются отрицательные формы глаголов-связок прошедшего или будущего времени: *Оз ло кокни* «не будет легко», *эз вѡв кокни* «не было легко».

В функции главного члена безличных предложений с дательным субъекта может быть (а) местоимение в форме терминатива, (б) сочетание местоимения в данной форме с наречием, (в) местоимение в этой форме со связкой. Синтаксические структуры с такими компонентами выражают состояние невозможности, не расположенности субъекта к действию или предмету: *Но талун меным не таѡдз* [Белых 1997: 48] «Но сегодня мне не до этого»; *Ёна ылын сылы тѡѡдз. Но нывлы ѡні вѡлі не сыѡдз* [Федоров 1979: 70] «Еще очень далеко ему до тебя. Но девушке сейчас не до него».

В определенной коммуникативной ситуации говорящему существенным представляется указание на пространство, место отсутствия предмета, поэтому в предложениях, кроме сказуемого в отрицательной форме, семантически необходимым бывает распространитель с таким значением: *Енэжсын ни ѡти кымѡр чир абу* [Федоров 1979: 60] «В небе нет ни облачка».

Специфическими, характерными для коми языка являются синтаксические конструкции с относительными прилагательными с отри-

цательным суффиксом *-тӧм* в роли организующего центра: *Вомыӊ каличтӧм, кывйӧд лытӧм* [Коми шусьӧгъяс да кывйӧзъяс 1983: 136] «Рот без запора (букв. беззапорный), язык без костей (букв. бескостный)»; *Да и горттӧмӧсь на, би ни ва* [Юшков 1981: 25] «Да и дома еще нет у нас (букв. бездомные), ничего нет»; *Найӧ айтӧмӧсь, и сійӧ, Тикӧ, айтӧм* [Тимин 2000: 246] «У них нет отца, и у него, у Тихона, нет отца». Синтаксическими синонимами таких адъективных конструкций являются экзистенциальные предложения с отрицательным словом *абу* «не, нет» в роли сказуемого: *Найӧ айтӧмӧсь и Налӧн айыс абу* «У них нет отца».

Значение общего отрицания содержат и причастия с суффиксом *-тӧм*, выполняющие предикативную функцию (а) самостоятельно или (б) в сочетании со связочными глаголами: (а) *Пачӧй ломтывтӧм. Понйӧй вердлытӧм* [Юшков 1981: 16] «Печь (моя) не топлена. Собака (моя) не кормлена»; (б) *Налимтӧ бӧжӧдыс куттӧм лӧб* [Коми шусьӧгъяс да кывйӧзъяс 1983: 77] «Налима за хвост не поймаетшь (букв. будет непойманным)».

Общеотрицательное значение имеют и предложения с деепричастиями с суффиксом *-тӧг*, в сочетании со вспомогательным глаголом *кольны* «оставаться», образующими его предикативное ядро. Они сообщают о том, что в силу каких-либо объективных причин, обстоятельств, независящих от субъекта, действие остается невыполненным: *Уна верӧс тайӧ асылӧ коли сӧйтӧг* [Федоров 1979: 208] «Много мужей в это утро осталось не смогли поесть (букв. осталось не поевши)»; *На вӧсна коли велӧдчытӧг* [Рочев 1983: 13] «Из-за них (я) не смог учиться (букв. остался без учения)».

Для реализации значения общего отрицания заметную роль играют инфинитивные предложения, являющиеся весьма продуктивными, активно развивающимися. На то, что по тем или иным причинам, при некоторых обстоятельствах, субъектах, действие не может быть совершено, указывает препозитивная отрицательная частица *не* «не». В таких синтаксических структурах коммуникант подчеркивает модальное значение невозможности выполнения действия: *Шырлы канькӧд не венгласны* [Коми шусьӧгъяс да кывйӧзъяс 1983: 121] «Мышка с кошкой не может бороться (букв. не бороться)»; *А ме тӧянлы шуа: не сӧйлыны налы менсьым няньӧс!* [Федоров 1979: 97] «А я вам говорю: не есть им моего хлеба».

Следует иметь в виду, что не всегда совпадает формальная и семантическая сторона предложения. В системе синтаксических структур выделяются конструкции, утвердительные по форме, но отрицательные по содержанию, в которых отрицательное значение формируется за счет особой интонации. Они характерны для экспрессивно окрашенной речи:

Оз на мунны? – Мунасны, виччысь [Юшков 1981: 10] «Еще не уходят? – Уйдут (т. е. не уйдут), жди»; – *Мун кытчö гажыд. – Муна кытчöкö, – нерыштöмön сетчис Ардальон. – Либö и чöв ов* [Юшков 1981: 9] «– Иди куда хочешь. – Пойду куда-то (т. е. никуда не пойду, некуда идти), – передразнил Ардальон. – Тогда и молчи». Такое значение особенно часто наблюдается в предложениях с возвратными глаголами, сообщающими о модальном значении невозможности выполнения действия: *Öñi мянöс татысь судзсьöма, да и корссьöма – некод эз аддзыв...* [Шахов 1989: 26] «Сейчас нас здесь никто не может найти (букв. досталось и нашлось) – никто не видел (куда мы ушли)...»; *Сылы öñи ссэся нефтьö перйиссьöма нин...* [Шахов 1989: 30] «Он уже больше не сможет добывать нефть (букв. добылось ему)».

Экспрессивно окрашенное отрицание может содержаться в вопросительном по форме предложении, используемом во вторичной функции, при которой целью говорящего является не получение новой информации, а ее передача собеседнику. Несмотря на то, что в них нет специальных слов со значением отрицания, они указывают на отрицание: *Кутийöм кыйсьысь зновчас татийöм дэльöдöм бöрад?* [Юшков 1981: 18] «Какой охотник бросит охоту после того, как так дразнили? (т. е. никакой охотник не бросит охоту)»; *Лысьтан öмöй, мед көть кыкысь геолог, веськыда шуны, кыв сетны, мый сэтöйтö эм нефть либö газ? Он лысьт* [Юшков 1981: 22] «Разве посмеешь прямо сказать, пусть хоть дважды геолог, что там есть нефть или газ. Не посмеешь». С помощью вопросительных слов, особой интонации такие вопросительно-отрицательные предложения выражают различные модальные значения: невозможность, нецелесообразность выполнения действия, отрицательного ответа на вопрос, отказ.

Очевидно, что во многих случаях в процессе коммуникации существенным является отрицание не самого события, действия, а лишь какой-то его части: определенные временные рамки, место, качество, условия совершения действия, пребывания субъекта в определенном состоянии, сам субъект, объект, непредикативный признак предмета и т. д., такое отрицание является неполным, для его выражения в языке получили развитие **частноотрицательные предложения**, в которых отрицательную форму может принимать любой компонент, кроме сказуемого. В целях реализации такого отрицания имеются специальные средства: некоторые падежные формы имени существительного, служебные слова, слова с отрицательными суффиксами. К примеру, значение отрицания объекта действия выражают имена существительные в форме **абессива**: *Бордтöг этиша лэбалаң* [Ками шусьöгъяс да кывйöзъяс 1983: 33] «Без крыльев не летаешь»; *Битöг тшын оз овлы* [Там же: 21] «Не бывает дыма без огня». Такое выражение неполного отрицания характерно и для

удмуртского языка: *Мунчотэк эмез уз лубы, пие* «Без бани пользы не будет, сынок» [Кондратьева 2011: 135].

Употребительными являются предложения с обстоятельственными распространителями, в роли которых выступают деепричастия с суффиксом *-тӧг*, сообщающие об отрицании дополнительного действия, без которого совершается основное действие, названное в глагольном сказуемом [Лудыкова 2012: 127–128]: *Петук съывтӧг асылыд воас* [Коми шусьӧгъяс да кывйӧзъяс 1983: 19] «Утро приходит и без пения петухов»; *Водзӧ туйӧ мӧдӧдчисны нюжмасьтӧг* [Шахов 1989: 29] «Дальше в дорогу отправились, не задерживаясь»; *Петисны туйӧ манитчытӧг* [Там же: 72] «В дорогу вышли, не задерживаясь»; *Педьӧ керкаяс дорас сувтылтӧг лӧччис ва дорас* [Там же: 53] «Педью, не останавливаясь возле домов, спустился к реке».

В соответствии с задачами говорящего субъекта при помощи отрицательной частицы *абу* может отрицаться количество, мера, степень проявления признака, состояния, действия, может выражаться неполная степень качества предмета, действия, состояния: *Сійӧ абу уна кывъя* [Белых 1997: 59] «Она немногословна»; *...дыр вольтӧм бӧрын кажитчис, <...> кыддза-пиуа раскыс быттьӧ абу ёна сылы нимкодъ мекӧд паныдасьмысь* [Там же: 44] «...после долгого отсутствия казалось, что березово-осиновая роща не очень рада встрече со мной»; *Мича оз тусь вӧсна муыслы не ӧтчыдысь копыртчылан* [Коми шусьӧгъяс да кывйӧзъяс 1983: 19] «Из-за красивой землянички не раз поклонисься».

В процессе коммуникации для формирования смыслового содержания высказывания субъекту речи необходимым бывает сообщение об отрицании непредикативного признака, качества предмета, в этом случае отрицательную форму принимает атрибутивный член, в функции которого могут быть (а) дескриптивные относительные прилагательные, (б) причастия, оформленные отрицательными суффиксами: (а) *Нэм чӧжс лои пельытӧм пыжӧн ветлыны* [Коми шусьӧгъяс да кывйӧзъяс 1983: 130] «Всю жизнь пришлось плавать на лодке без весел (мыкать горе)»; *Пыстӧм ем дон оз сулав* [Там же: 43] «Не стоит и иголки без ушка (Ломаного гроша не стоит)»; (б) *Бӧрдтӧм кага оз овлы* [Там же: 168] «Не плачущего ребенка не бывает»; *Шедтӧм кӧчтӧ съӧкыд кыйны* [Там же: 24] «Зайца, который не ловится, трудно поймать». Отрицательное значение причастиями на *-мтэ*, *-тэм*, *-онтэм* / *-нтэм*, *-исьтэм* / *-сьтэм* в атрибутивной функции, семантически близких к основным значениям лишительного падежа, выражается и в удмуртском языке: *Оскисьтэм мурт ачиз осконтэм луэ* «Человек, который не верит другим, сам превращается в человека, которому не доверяют» [Кондратьева 2011: 138].

Значение отрицания атрибутивных качественных прилагательных выражается частицей *абу* «не, нет»: *Тані и помассьё сылѡн (юлѡн) абу кузь, но эв ёна пессян-корсьясян туйыс* [Белых 1997: 36] «Здесь и заканчивается ее (у реки) не длинная, но очень трудолюбивая-ищущая дорога».

Своеобразие коми языка состоит в том, что в частноотрицательных предложениях на отрицание объекта, субъекта, способа совершения действия, места, некоторой временной рамки, степени действия или качества, способны указывать отрицательные глаголы. Они располагаются в препозиции по отношению к отрицаемому слову и сообщают не только об отрицании, но и имеют значение времени, лица: *А бать-мам эз озыра овны* [Белых 1997: 17] «А родители не богато жили»; *Ӧд эз этиша найӧ аддзывны олӧмсьыс бурсӧ и лёксӧ* [Там же: 84] «Ведь немало они видели в этой жизни и хорошего, и плохого»; *Но эз вотӧсла талун лок татчӧ* [Там же: 75] «Но не за ягодами сегодня (я) пришел сюда»; *Эг ӧти гождӧм кывтлы-катлы Эжва кузя...* [Там же: 14] «Не одно лето я плавал вверх и вниз по Вычегде...».

В экспрессивно окрашенной речи распространенными являются вопросительные предложения, в которых общее и частное отрицание выражается лишь при помощи интонации, некоторых эмоциональных частиц, без использования специальных лексических средств: – *Владимир Николаевич, кызди нӧ крам божей позьӧ тупкыны?* [Федоров 1979: 96] «– Владимир Николаевич, как же храм божий можно закрыть?»; – *Коді гижӧма? <...> – А ме тӧда?!* [Там же: 68] «– Кто написал? – А я знаю?!» (т. е. не знаю); – *Са-арлы паныд?!* *Кызд нӧ позьӧ сарлы паныд сувтны?* [Шахов 1989: 32] «Против царя?! Как же можно против царя выступать?»; *Мый мевсь повнысӧ? Абу ӧд шыш* [Юшков 1981: 19] «Что меня бояться? Ведь не вор (бродяга)». Такие утвердительные по форме предложения являются отрицательными по содержанию, вопросы предполагают отрицательные ответы.

Отрицательное значение всего высказывания существенно усиливается при использовании нескольких слов с отрицательным значением, когда в рамках одного предложения отрицается его основа и другой какой-либо компонент, называющий объект, субъект, время, место действия, признак предмета: *Ме тайӧс некор оз вунӧд* [Шахов 1989: 57] «Этого я никогда не забуду»; *Ас сиктыд некор оз вун* [Белых 1997: 94] «Родная деревня никогда не забудется»; *А сійӧ бӧрзя гождӧмнас ми некытчӧ нин эг ветлӧ* [Там же: 94] «А в то последнее лето мы никуда уже не ездили»; *Блтва некод на абу пыклӧма* [Коми шусьӧгъяс да кывйӧзъяс 1983: 15] «Половодье никто еще не удерживал»; *Некодыр тай оз пет шонді рывывывяснь* [Там же: 2] «Никогда еще не всходило солнце с запада».

Значение отрицания высказывания усиливают и повторяющиеся отрицательные союзы: *Ӧльӧш кымис ӧшинь дорӧ: ни горӧдны, ни вешйыны*

сэтысь эз вермы [Юхнин 1983: 49] «Ольош застыл возле окна: ни крикнуть, ни отойти от него не мог»; *Ольош эз эскы ни синъяслы, ни пельяслы* [Там же: 49] «Ольош не верил ни глазам, ни ушам»; *Ни челядьлөн бёрдём, ни Любалён горзём делёсё сувтёдны эз вермыны* [Там же: 57] «Ни плачь детей, ни крики Любы не смогли остановить дело»; ...*со мыйкё чурвидзё-сулалё. Абу керка ни, абу зверь ни. <...> Вёлёмкё, турун зорёд сулалё* [Белых 1997: 81] «...что-то стоит-возвышается. И не дом, и не зверь. Оказывается, стог сена стоит».

Таким образом, для раскрытия различных коммуникативных задач говорящего субъекта одно из центральных мест в синтаксической структуре языка занимают конструкции с общим и частным отрицанием. В коми языке в целях выражения этих значений имеется особый фонд, в который входят отрицательные глаголы, частицы, местоимения, наречия, имена прилагательные, причастия, деепричастия, маркированные отрицательными суффиксами.

Литература

Белых И. Ёзы, менам бипурёй. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1997. 191 л. б.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 528 с.

Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. М.: Наука, 1984. 175 с.

Коми шусьёгыяс да кывйёзьяс = Коми пословицы и поговорки. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. 208 л. б.

Кондратьева Н. В. Категория падежа имени существительного в удмуртском языке. Ижевск: Удм. ун-т, 2011. 256 с.

Лудыкова В. М., Некрасова Г. А., Попова Э. Н., Федонева Г. В., Цыпанов Е. А. Ёния коми кыв. Морфология. Сыктывкар: Коми небог лэдзанин, 2000. 544 с.

Лудыкова В. М. Глагол в предложении коми языка. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. гос. ун-та, 2012. 238 с.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Яз. славян. культуры, 2001. 510 с.

Тимин В. Эжва перымса зонка. Сыктывкар: Коми небог лэдзанин, 2000. 254 л. б.

Федоров Г. Повестьяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. 445 л. б.

Шахов Б. Гёрд дзоридзьяса съёд шаль. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. 287 л. б.

Юхнин В. Алёй лента. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. 456 л. б.

Юхнин В. Диньельса вёрпункт. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. 176 л. б.

Юшков Г. Чутра. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. 415 л. б.